



У С Е Р Д І Е Н Е П О Р А З У М У .

(Эпизодъ изъ времени управленія Саратовскаго губернатора А. М. Фадѣева).

I.

Въ наше время картофель составляетъ едва ли не самый необходимый продуктъ въ сельскомъ обиходѣ, въ каждой семьѣ. Его можно видѣть и на столѣ богача, а особенно бѣднаго простолюдина. Между тѣмъ еще такъ недавно старовѣры гнушались имъ, какъ „богомерзскимъ зельемъ“, и считали большимъ грѣхомъ „вкушать“ его: ибо, по ихъ мнѣнію, картофель былъ дьявольскимъ произведеніемъ; „чертовымъ яйцомъ“, какъ они его называли.

Такое мнѣніе укрѣпилось среди нихъ потому, что продуктъ этотъ перешелъ къ намъ съ Запада, отъ „поганныхъ Нѣмцевъ“, которыхъ старообрядцы поповщинскаго толка не любятъ до сихъ поръ. Ненависть эта усиливалась еще тѣмъ, что первымъ хотѣлъ распространить картофель въ Россіи императоръ Петръ Великій, причинившій столько зла старообрядчеству наложеніемъ двойного штрафа за ношеніе бородъ и стариннаго Русскаго платья. Слѣдуя завѣтамъ Петра, и мудрая Екатерина II повторила такое распоряженіе, повелѣвъ указомъ 31 Мая 1765 года „повсемѣстно разводить сей родъ земляныхъ яблокъ, которыя и земляными грушами, а въ иныхъ мѣстахъ тартуфелями и картофелями называются“. Медицинской Коллегіей было составлено особое „Наставленіе о разведеніи сихъ яблокъ, потетесь именуемыхъ“. Однако, несмотря на старательныя понужденія со стороны мѣстныхъ властей, затѣя эта не привилась къ Русскимъ землепашцамъ. Рѣдкіе изъ простолюдиновъ центральныхъ областей занялись его посѣвомъ на своихъ огородахъ; а въ губерніяхъ Астраханской, Саратовской и Оренбургской, какъ рассказываютъ современники, даже въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія крестьяне не вѣдали о существованіи картофеля.

Снова возникла мысль о проведеніи въ крестьянскую жизнь такого мѣропріятія въ царствованіе императора Николая Павловича, ради якобы устраненія часто повторяющихся у насъ недородовъ: ибо, говорилось въ указѣ, „сей продуктъ можетъ замѣнить собою хлѣбъ“. Къ сожалѣнію, какъ обыкновенно водится у насъ, старались распространять затѣю эту циркулярами и предписаніями, нисколько не заботясь о томъ, доступно или нѣтъ пониманію неграмотнаго землепашца проектируемое въ области его сельскаго обихода нововведеніе, отчего предписанія эти, толково неразъясненныя, пораждали между властями и крестьянами недоразумѣнія, иногда оканчивавшіяся очень печально для послѣднихъ.

Согласно высочайшаго повелѣнія отъ 8 Августа 1840 года, сначала предполагалось производить посѣвъ картофеля въ тѣхъ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ, гдѣ имѣлись общественныя запашки, „отдѣливъ на сей предметъ нѣкоторое пространство земли въ каждомъ полѣ такъ, чтобы количество сбора картофеля выходило не болѣе полчетверти или одной осмины на душу“. Въ тѣхъ же поселеніяхъ, гдѣ общественныхъ запашекъ не производилось, было предписано засѣвать картофель при волостныхъ правленіяхъ, „хотя бы по одной десятинѣ, отдѣленной отъ земли, принадлежащей обществу“, подъ наблюденіемъ управляющихъ палатами государственныхъ имуществъ, окружныхъ и волостныхъ начальниковъ, и „подъ надзоромъ свѣдущихъ людей или лицъ, знакомыхъ съ сею отраслью хозяйства“. Изданы были и разсланы на „счетъ суммъ общественнаго сбора“ наставленія, какъ и когда производить посадку и уборку картофеля и какъ сохранять оный.

Чтобы скорѣе достигнуть благихъ результатовъ, его величество приказалъ отнюдь не обременять крестьянъ какими либо новыми налогами и повинностями, повелѣвъ закупать картофель для посѣва „на счетъ продовольственнаго капитала, съ возвращеніемъ изъ суммъ, выручаемыхъ продажею излишковъ отъ урожая“; работниковъ для посѣва и уборки нанимать на средства капитала хозяйственнаго, а собранный урожай отдавать крестьянамъ на сѣмена „частію безденежно, съ обязательствомъ непременно посадить его“, или же продавать „дешевою цѣною, дабы распространить между ними различное его употребленіе“. Министру государственныхъ имуществъ было даже указано назначать за разведеніе этого продукта денежныя и другія почетныя награды и отличія, для чего было ассигновано по 25 тыс. руб. ежегодно, срокомъ на три года.

Кажется, все было ясно, толково и опредѣленно. Но власть имущіе, начиная съ министра, повернули царское распоряженіе каждый по своему.

Разсылая 20 Августа высочайшее повелѣніе по губерніямъ, т. е. Гамалѣй настойчиво требовалъ, чтобы „по возможности нынѣшнимъ же лѣтомъ“, соображаясь съ мѣстными обстоятельствами, приготовить земли подъ посѣвъ картофеля.

Какъ ни дико и неудобноисполнимо было такое требованіе, однако управляющій Саратовской Палатой Гос. Имуществовъ Халкіоповъ заставилъ окружныхъ начальниковъ, „не упуская осенняго времени, вспахать и удобрить по одной десятинѣ въ каждомъ селѣ, требуя, въ противность высочайшей волѣ, произвести „сію работу, какъ весьма незначительную, сообщая, преимущественно многорабочими семействами“.

Распоряженіе это было издано 15 Октября, т. е. въ такое время, когда въ сѣверной части губерніи наступали холода, земля застывала, и всковырять ее сохой представлялось трудомъ непомернымъ. Тѣмъ не менѣе нашелся одинъ изъ ретивыхъ исполнителей, окружной начальникъ Кузнецкаго уѣзда Симановскій, который не только заставилъ крестьянъ безъ всякой платы распахать почву глубокою осенью, но и удобрить ее въ теченіи зимы навозомъ (котораго потребовалось на десятину болѣе 200 возовъ) съ тѣмъ, чтобы „независимо осенней парки, перепахать ее еще весной два раза“.

Въ своемъ по этому поводу донесеніи онъ предлагалъ управляющему: „такъ какъ для засѣва одной десятины надобно не менѣе $3\frac{1}{2}$ четвертей картофеля, что, по цѣнѣ отъ 8 до 10 руб. четв., составитъ цифру внушительную, то, дабы не тратить на эту покупку высочайше указанныя суммы продовольственнаго капитала,—купить его на деньги, „поступающія на содержаніе мірскихъ оброчныхъ статей“...

Какъ ни странно однако, Халкіоповъ не только не отвергъ этого шедшаго въ разрѣзъ съ министерскимъ циркуляромъ предложенія, но указалъ и прочимъ окружнымъ начальникамъ Саратовской губерніи сдѣлать такое же распоряженіе.

Для этого былъ установленъ особый сборъ подъ благовидной кличкой „на общественныя надобности“, неодинаковаго впрочемъ размѣра. Такъ въ Петровскомъ уѣздѣ сборъ этотъ былъ назначенъ въ 7 коп. Сердобскій начальникъ Юматовъ установилъ его въ $9\frac{2}{7}$ коп., а Сластуженскій волостной управитель довелъ его до $18\frac{3}{7}$ коп. съ ревизской души.

Такія требованія поселянамъ оказались не подъ силу. Въ губерніи начались броженія, сначала глухо, но чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе стали раздаваться голоса, что предпріятіе это выдуманно властями съ цѣлію закабалить государственныхъ крестьянъ, дабы поставить ихъ въ одинаковыя условія съ крестьянами помѣщичьими. Слухамъ этимъ

вѣрили не только простолюдины, но и ихъ сельскіе управители. Ропотъ особенно усилился послѣ того, какъ съ наступленіемъ весны, подъ давленіемъ окружныхъ начальниковъ, волостные головы и сельскіе старосты стали выгонять крестьянъ на посѣвъ картофеля, „какъ на барщину“, принимая для того самыя крутыя мѣры. Народъ не выдержалъ, и въ трехъ уѣздахъ вспыхнули волненія.

Въ защиту своихъ правъ первыми выступили крестьяне сель Малой Сердобы, Старого и Новаго Славкина и Саполчи, Малосердобинской волости, Петровскаго уѣзда *). Толчкомъ къ тому послужилъ кѣмъ-то пущенный слухъ о зачисленіи ихъ за помѣщиковъ, если они „изъявятъ готовность къ посадкѣ картофеля“. Самъ Малосердобинскій старшина Прохоровъ рассказывалъ своимъ односельцамъ, какъ сельскій засѣдатель Ивановъ говорилъ хозяйкѣ взъѣзжей квартиры Власовой, что „ежели Сердобинцы стануть сѣять картофель, то у нихъ заведутъ сахарный заводъ“, чего особенно боялись крестьяне, ибо устройство послѣдняго повело бы къ урѣзкѣ у нихъ доброй половины земельныхъ угодій, далеко и въ то время неудовлетворявшихъ въ полной мѣрѣ нужды сельскихъ жителей. Когда, въ первыхъ числахъ Марта 1841 года, въ село пріѣхалъ волостной голова съ требованіемъ начать приготовленія къ сѣву картофеля, Малосердобинцы встрѣтили его враждебно, „съ шумомъ упрекая волостное начальство въ обремененіи ихъ новыми и бесполезными повинностями“. Часъ отъ часу „упорство крестьянъ дѣлалось болѣе сильнымъ“. Не желая подвергать себя опасности, голова поспѣшилъ уѣхать въ Петровскъ, гдѣ заявилъ о случившемся окружному начальнику.

Тѣмъ временемъ крестьяне собрали сходъ и рѣшили стоять другъ за друга противъ распоряженій губернскихъ властей, предпринятыхъ, какъ они думали, безъ высочайшаго соизволенія, заставивъ помощника головы Страхова составить приговоръ „о злоупотребленіяхъ въ этомъ дѣлѣ волостного писаря“. Однако, когда на мѣсто событія прибыли окружной начальникъ и земскій исправникъ съ чинами полиціи, они смирились, прося дозволенія „пріобъкнуть“ и научиться новому для нихъ дѣлу.

Слѣдователи уѣхали, оставивъ на свободѣ двухъ указанныхъ волостнымъ старшиной зачинщиковъ: означеннаго Страхова и возвратившагося изъ ссылки крестьянина Ягунова.

Настраиваемые сими послѣдними Сердобинцы не приступили и сами къ работѣ и отказали дать, по требованію окружного управленія, платныхъ работниковъ для засѣва картофеля подъ наблюденіемъ при-

*) Изъ дѣла канцеляріи Саратов. губернатора 1841 г., № 709.

сланнаго Нѣмца-колониста. Соединившись 15 Апрѣля съ поселянами Новаго и Стараго Славкина, Саполги, Назимкина и Демкина, они отослали въ волость присланный окружнымъ начальникомъ приказъ о высылкѣ въ Петровскъ подводъ за сѣмяннымъ картофелемъ. Возбужденіе ихъ дошло до того, что даже прибывшій слѣдомъ за уѣздными властями управляющій палатою не могъ успокоить ихъ „мѣрами убѣжденій“. Они никакъ не соглашались разводять этотъ „овощъ“, отзываясь неимѣніемъ у нихъ лишней земли и находя для себя болѣе выгоднымъ заниматься хлѣбопашествомъ. Хоть повѣсь насъ, хоть въ солдаты отдай, а мы не желаемъ „быть обращенными на барщину“.

Чтобы нѣсколько повліять на толпу, Халкіоповъ распорядился „выхватить изъ нихъ двухъ замѣченныхъ имъ буяновъ“ и посадилъ въ холодную. Это еще больше взбудоражило Сердобинцевъ. Всѣмъ селомъ окружили они его, настойчиво требуя освобожденія арестованныхъ. Если ужъ брать, то бери всѣхъ насъ! Управляющему ничего не оставалось дѣлать болѣе, какъ уѣхать изъ села.

Послѣ него такая же драма разыгралась въ Новомъ Славкинѣ, гдѣ собравшіеся на сходъ крестьяне хотѣли убить писаря за то, что онъ „слушается начальства“. Они отобрали у него печатныя наставленія къ разведенію картофеля и вмѣстѣ съ составленнымъ отставнымъ солдатомъ Федоровымъ приговоромъ отослали ихъ въ волость съ поясненіемъ: „такъ какъ картофель сѣять они не желаютъ, то и наставленія имъ не нужны“.

Вѣсть объ этомъ событіи всполошила въ Саратовѣ начальство. Халкіоповъ наговорилъ губернатору о „небываломъ“ въ Сердобинской волостѣ бунтѣ, донеся о томъ т. с. Гамалѣю. На мѣсто происшествія были командированы тотчасъ же два губернаторскихъ чиновника. Слѣдомъ за ними Фаддѣевъ распорядился выслать нѣсколько десятковъ солдатъ Саратовскаго внутренняго батальона, а потомъ батарею конно-артиллерійскаго резерва. Наконецъ, „для принятія рѣшительныхъ мѣръ“, самъ поѣхалъ туда.

„Бунтовщиковъ“ въ числѣ болѣе тысячи человекъ собрали въ Малую Сердобу, окруживъ вызванными изъ окрестныхъ селъ понятыми и прибывшими командами. Пригласили священника. Въ присутствіи жандармскаго офицера, Фаддѣевъ сначала хотѣлъ подѣйствовать на нихъ „средствами кроткаго убѣжденія и вразумленія“, но видя, что слова его „дѣйствуютъ весьма на немногихъ“, онъ, „на основаніи § общаго наказа губернаторамъ“, приказалъ взять „наиболѣе упорствовавшихъ и дерзкими словами поддерживавшихъ упорство въ толпѣ“, заковалъ ихъ въ кандалы и отправилъ въ Петровскъ „для преданія суду“, а прочихъ „болѣе упорствовавшихъ покориться волѣ начальства“...

„подвергнулъ полицейскому вразумленію“. Мѣра эта произвела желаемое дѣйствіе“. Послѣ „умѣренного наказанія нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ“, крестьяне пали на колѣни и молили о прощеніи, за исключеніемъ немногихъ“, оставшихся, по выраженію Фаддѣева, упорными по какому-то невѣжественному ожесточенію“.

„Бунтъ“ былъ подавленъ. Губернаторъ, повидимому, „остался доволенъ“ столь благопріятнымъ исходомъ. Но вдругъ, въ эту самую минуту, къ нему является изъ с. Саполги депутація, въ составѣ старосты, писаря и 20 выборныхъ, и проситъ его пр—во принять отъ нихъ обратно „Краткія наставленія къ разведенію картофеля“ какъ имъ теперь ненужныя. Фаддѣевъ сначала опѣшилъ отъ такой неожиданности, а потомъ, придя въ себя, всей силой своего гнѣва обрушился на темныхъ и загнанныхъ нуждою простолюдиновъ. „Всѣ эти люди, писалъ онъ 5 Января въ Сенатъ, тутъ же, на мѣстѣ, въ страхъ другимъ, подвергнуты исправительному наказанію розгами, а допустившія сей безпорядокъ должностныя лица заключены подъ стражу и отданы подъ судъ“.

Послѣ этого губернатору не составило большого труда укротить волненіе въ Новомъ и Старомъ Славкинѣ, гдѣ крестьяне „не проявили особеннаго упорства и утраченные рѣшимостью“ его дѣйствій „безъ особенныхъ мѣръ строгости принесли повинную“.

Установивъ такимъ образомъ „нарушенное“ спокойствіе, Фаддѣевъ донесъ о событіи министру внутреннихъ дѣлъ. Конечно, о случившемся было доложено Государю. Но ни министръ вн. дѣлъ, ни тайн. сов. Гамалѣй не потрудились раскрыть предъ Императоромъ истинную причину возникновенія безпорядковъ, умолчавъ о противозаконныхъ дѣйствіяхъ управляющаго Саратовской палатой Государственныхъ Имуществъ и Петровскаго окружнаго начальника. Виновными во всемъ были выставлены только крестьяне. И Николай Павловичъ, въ 9 день Іюня 1842 г., повелѣлъ примѣрно наказать ихъ: „годныхъ отдать въ рекруты, а неспособныхъ отправить на неопредѣленное время въ крѣпостную работу въ Бобруйскъ“.

Подъ предсѣдательствомъ губернскаго чиновника была назначена для разслѣдованія этого дѣла комиссія въ составѣ уѣзднаго стряпчачаго съ окружнымъ начальникомъ и земскимъ исправникомъ. Она признала виновными 89 крестьянъ, изъ коихъ 49—заключила въ тюрьму.

Должно быть, изъ желанія выслужиться, Фаддѣевъ такъ торопильсь окончаніемъ слѣдствія, что многіе свидѣтели не были допрошены, другіе допрашивались огуломъ. Всѣ обвиненія были построены на доносахъ сельскихъ властей и по указаніямъ исправника и окружнаго

начальника, 12 Іюля дѣло поступило на разсмотрѣніе уѣзднаго суда, который черезъ 10 дней вынесъ такой приговоръ:

Старшину Прохорова съ пятидесятью Сердобинцами, 19-ть крестьянъ изъ Новаго и двоихъ изъ Стараго Славкина, по наказаніи плетью, сослать въ крѣпостныя работы въ г. Бобруйскъ. Саполгинскаго старосту съ четырьмя выборными и двухъ крестьянъ изъ Малой Сердобы, по учиненіи того же наказанія, отдать въ солдаты; шестеро были присуждены наказанію розгами; четверымъ вмѣнено долговременное тюремное заключеніе и понесенное ими при усмирении безпорядковъ тѣлесное посрамленіе.

Однако Саратовская Уголовная Палата нашла приговоръ такой слишкомъ суровымъ и обвинила лишь 19 участниковъ, изъ коихъ двое фигурировали въ дѣлѣ два раза подъ различными фамиліями. Когда же стали освобождать оправданныхъ, то, вмѣсто 28, оказалось содержащимися изъ числа ихъ въ тюрьмѣ только 19-ть, при чемъ обнаружилось, что главные виновные приговорены къ болѣе легкимъ наказаніямъ, а менѣе упорствовавшіе—къ тяжкимъ. Это обстоятельство вызвало со стороны губернатора пространное въ Сенатъ донесеніе, въ которомъ онъ обвинялъ Палату „въ отступленіи отъ законнаго порядка, что она увлеклась духомъ исключительной склонности на сторону ослушавшихся крестьянъ, усиливаясь только найти окружныхъ начальниковъ виновными“. Палата въ свою очередь принесла жалобу на губернатора. Дѣло въ безплодныхъ пререканіяхъ тянулось почти три года; а обвиняемые все сидѣли въ тюрьмѣ въ ожиданіи своей участи. Лишь въ началѣ 1844 г. Сенатъ сжалился надъ ними и, вмѣнивъ имъ долгое содержаніе подъ стражей, только троихъ предписалъ наказать плетью, не находя въ поступкахъ остальныхъ осужденныхъ не только бунтовщическихъ дѣйствій, но даже простого ослушанія начальству¹⁾.

II.

Въ то суровое время крѣпостного права, конечно, трудно было ожидать милостиваго отношенія власть имущихъ къ низшему сословію. Но всетаки можно было предполагать, что, подъ управленіемъ такого губернатора, какъ Фаддѣевъ, который считался однимъ изъ гуманнѣйшихъ и образованныхъ людей своего времени²⁾, мѣстное начальство будетъ

¹⁾ Изъ указа Сената Сарат. Угол. Палатѣ 8 Іюня.

²⁾ Послѣ него остались интересныя записки о состояніи Саратовской губерніи, часть коихъ напечатана, а остальные хранятся въ рукопис. отдѣлѣ Саратовс. Учен. архив. Коммиссіи. П. Ю. Обширныя „Воспоминанія Андрея Михайловича Фаддѣева“, прибрѣтенныя отъ его дочери, напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ 1891 года. П. Б.

болѣе справедливымъ къ нуждамъ и тягостямъ сельскаго населенія. Если бы тамошнія власти хоть разъ потрудились заглянуть въ покорную и любвеобильную душу Русскаго поселенина, понимали бы его языкъ и были бы настроены благою мыслью помогать ему въ несчастіи, чтобы улучшить его незавидное положеніе, то можно сказать съ полной увѣренностью, что картофельныя волненія не могли бы имѣть мѣста въ Саратовской губерніи и особенно въ Сѣверной части ея, населенной преимущественно тихими и мирными племенами Мордвы Чувашь и изрѣдка Татаръ. Скорѣе они должны были произойти въ Южной и Восточной частяхъ, ближайшихъ къ Волгѣ и пристаннымъ поселеніямъ, гдѣ еще не выдохся строптивый духъ прежней Волжской вольницы.

Какъ указано выше, возникновенію безпорядковъ болѣе всего способствовали мѣстныя власти. Изъ подлага желанія выслужиться, самую печальную роль сыграли въ этомъ дѣлѣ окружные начальники, въ большинствѣ случаевъ люди мало образованные и плохо развитые, которые не понимали и сами истинной цѣли проэктированной правительствомъ мѣры, почему предъявляли и къ крестьянамъ такія требованія, которыя расходились и съ здравой логикой, и съ текстомъ изданнаго повелѣнія. На ряду съ ними, желая добиться отличій, усердствовали не въ мѣру волостные правители, которые какъ бы нарочно отдавали такія приказанія, одно другому противорѣчивыя, какія вводили поселянъ въ недоумѣніе.

Почти во всѣхъ селеніяхъ Кузнецкаго уѣзда картофель воздѣлывался въ небольшомъ количествѣ и ранѣе. Объ этомъ знали и окружной начальникъ Симановскій, и управляющій государственными крестьянами Халкіоповъ. Однако не смотря на указаніе высочайшаго повелѣнія разводить его только въ мѣстностяхъ, „незнакомыхъ съ сею отраслью хозяйства“, правители эти заставили и крестьянъ послѣдняго уѣзда дѣлать общественныя подъ картофель запашки „собственнымъ трудомъ“. Пять волостей исполнили это распоряженіе, но Мордвины с. Новой и дер. Старой Экзарки Наскафтимской волости потребовали отъ волостного старшины Иванова показать имъ „царскій указъ“, правда ли обязаны они производить такую работу? Голова не нашелся, что отвѣтить, такъ какъ указъ гласилъ противное и, какъ ни странно, настроилъ Симановскому доносъ, что крестьяне не платятъ податей и отказываются засыпать хлѣбъ въ запасныя магазины. Послѣдній, не убѣдившись лично въ рассказанномъ, поспѣшилъ послать жалобу въ уѣздный судъ, „прося принятія скорыхъ и рѣшительныхъ мѣръ для

прекращенія безпорядковъ съ преданіемъ виновныхъ строгому сужденію по законамъ *).

Въ Новую Экзарку прибыли земскій исправникъ съ приставомъ 1-го стана и уѣздный стряпчій. На другой день, 20 Мая, они собрали жителей обѣихъ деревень и прочитали имъ предписаніе управляющаго Палатой Госуд. Имуществъ „на счетъ разведенія картофеля“, умолчавъ, однако, объ указанныхъ въ высочайшемъ повелѣніи мѣрахъ для облегченія крестьянскаго положенія и о тѣхъ средствахъ, какія на то были ассигнованы.

„Зря только будемъ землю портить“ смиренно отвѣчали Экзарцы, потому послѣ картофеля хлѣбъ не родится. А мы его и безъ того сѣмъ на своихъ огородахъ и впредъ того желаемъ“.

Кажется, въ такомъ отвѣтѣ не было ничего преступнаго или дерзкаго. Однако онъ показался исправнику особенно задирательнымъ. Не долго размышляя, онъ потребовалъ отъ начальника Кузнецкой инвалидной команды присылки унт.-офицера съ 12 рядовыми. Къ счастью, на ту пору въ командѣ „не нашлось, за расходомъ, людей“; а то Богъ знаетъ, что могъ натворить этотъ не въ мѣру усердствовавшій полицейскій чинъ.

Пылъ его охладилъ губернаторъ, сдѣлавъ замѣчаніе въ неумѣстности подобнаго требованія „безъ увѣдомленія губернскаго начальства въ его необходимости“. Фадѣевъ совѣтовалъ исправнику стараться, при содѣйствіи окружнаго начальника, привести крестьянъ въ послушаніе путемъ внушенія имъ выгодъ и пользы отъ предложенной мѣры, „съ предупрежденіемъ, что всякое съ ихъ стороны упорство немедленно будетъ подвергнуто строжайшему наказанію“.—Да съ такими ослушниками, безъ воинской команды, ничего сдѣлать нельзя, оправдывался представитель земской полиціи.

Поэтому изъ Саратовской станицы было выслано 25 конныхъ казаковъ. Пріѣхалъ жандармскій штабъ-офицеръ. Для успѣшности умиротворенія пригласили изъ Кузнецка „ученаго проповѣдника“, протоіерея Покровскаго собора, магистра богословія Евфимія Дьяконова.

Казаки прибыли въ Новую Экзарку въ 5 час. дня 18 Іюня. Къ этому времени собрали туда 300 крестьянъ изъ обоихъ селеній. Начальство стало вразумлять ихъ „съ должнымъ увѣщаніемъ“. Они остались непреклонны, „явно обнаруживая духъ неповиновенія“. Тогда исправникъ распорядился заковать въ кандалы 18 указанныхъ волостнымъ головою зачинщиковъ. Но и это мало помогло дѣлу. Напрасно, въ продолженіи всей ночи, съ 18 на 19-е число, о. протоіерей „входилъ

*) Изъ архива Саратовскаго Окружнаго Суда 1841 г. № 1420.

въ толпу народа, почти приходившаго уже въ ожесточеніе, убѣждалъ ослушниковъ силою Слова Божія обратиться на путь истины и правды и со слезами умолялъ заблудшихъ прійти въ раскаяніе“. Крестьяне въ одномъ и томъ же „расположеніи“ встрѣтили слѣдующій день и въ томъ же духѣ дождались его окончанія, „обнаруживъ среди этого дня еще больше свое заблужденіе и впадая постепенно, но быстро въ бѣльшее озлобленіе“.

Когда же на слѣдующее утро сотскіе стали вызывать изъ нихъ по одному для допроса въ присутствіе временнаго земскаго суда, находившагося въ сажняхъ 60-ти отъ мѣста сборища, Экзарцы „всей толпой бросились въ противоположную сторону и побѣжали изъ села въ лѣсъ. Ни сотскіе, ни понятые, ни казаки не могли задержать бѣгущихъ. Посланный въ догонку становой приставъ Миртовскій только къ вечеру съ большимъ трудомъ собралъ 200 человекъ. Но и эти по прежнему отвѣчали упорствомъ, даже послѣ учиненнаго имъ полицейскаго внушенія. Мы до тѣхъ поръ не пойдемъ въ судъ, пока не соберутся всѣ домохозяева“.

Настало утро 20-го Іюня. Утомленные двумя бессонными ночами и голоднымъ стояніемъ въ теченіи двухъ сутокъ, 122 крестьянина изъ Новой Экзарки (за исключеніемъ 23-хъ „оставшихся въ заблужденіи“) тронутые убѣжденіями о. Дьяконова, наконецъ принесли повинную и, въ присутствіи жандармскаго офицера, дали исправнику подписку „навсегда повиноваться правительству, надъ ними поставленному, обязавшись сѣять картофель безъ всякихъ прекословіи и толковъ“. По этому случаю, о. магистръ отслужилъ благодарственный молебенъ съ водосвятіемъ и произнесъ раскаявшимся назидательное слово.

На другой день власти поѣхали въ Старую Экзарку, жители которой „не оказывали ни малѣйшаго признака къ повиновенію“. Сбитые по срединѣ деревни въ кучу, они упорно отмалчивались на всѣ уговоры начальства и о. протоіерея, „съ тою же теплотою сердца и вѣры умолявшаго ихъ раскаяться во грѣхѣ своемъ. Увѣщаніе продолжалось съ утра до поздняго вечера, утомило и пуще озлобило крестьянъ. „Не насъ смиряйте, батюшка, а вонъ тѣхъ... отъ Свящ. Писанія, замѣтили о. Дьяконову крестьяне Ивановъ, Николаевъ, Павловъ и Яковлевъ. „явно обнаружившіе при томъ дерзость свою, съ самымъ буйствомъ соединенную“. Исправникъ велѣлъ схватить ихъ. Но вся толпа, какъ одинъ человекъ, бросилась изъ деревни вонъ и скрылась въ ближайшемъ лѣсу. Полицейскіе съ казаками едва могли розыскать первыхъ трехъ „грубіяновъ“, а послѣдній пропалъ безслѣдно, точно въ воду канулъ; его не нашли ни во время производства слѣдствія, ни даже послѣ рѣшенія дѣла въ Уголовной Палатѣ.

Видя, что имъ не справиться съ бунтовщиками, власти просили помощи губернатора, который въ это время находился въ г. Петровскѣ. Фадѣевъ не замедлилъ прискакать на мѣсто происшествія, чтобы показать свою силу и власть. 22 Іюня будетъ навсегда памятно Экзарцамъ отъ его усмиренія. Въ деревнѣ не осталось ни одного дома, въ которомъ главу семьи миновала бы нещадная порка розгами. Конечно, крестьяне смирились. Но этого мало: чтобы отбить у нихъ на будущее время всякую охоту къ волненіямъ, помимо преданія суду 12-тъ намѣченныхъ главарей¹⁾, губернаторъ распорядился расквартировать въ этомъ селеніи на „экзакуціонномъ правѣ“²⁾ третью конно-артиллерійскую батарею въ полномъ составѣ.

Произведя съ успѣхомъ расправу здѣсь, губернаторъ отправился въ сосѣднюю Татарскую деревушку Усть-Узы, Петровскаго уѣзда, гдѣ, по донесенію Кузнецкаго исправника, „корень и начало всѣхъ волненій“, распространившихся по губерніи³⁾, хотя въ дѣйствительности ничего подобнаго по слѣдствію не открылось. Весь „учиненный“ Татарами безпорядокъ состоялъ въ томъ, что зимою 1840 г. они посылали въ Саратовъ двухъ ходаковъ просить объ отмѣнѣ „картофельной“ повинности. Возвратились они оттуда ни съ чѣмъ, такъ какъ не подали просьбы. Но о томъ провѣдалъ Захаркинскій голова Синельщиковъ, пріѣхалъ въ деревню и сталъ требовать отъ старосты Анбекова уплаты государственныхъ повинностей за первую половину 1841 г. изъ денегъ, полученныхъ обществомъ за сданные въ аренду сѣнные покосы, 80 рублей. Мы отдать ихъ не можемъ, сказалъ староста, потому что изъ нихъ 50 руб. израсходовали на поѣздку въ Саратовъ уполномоченныхъ.

Старшина началъ браниться. Дальше-больше. Поднялась перебранка; за старосту вступился одинъ изъ ходаковъ Алтовъ и „обругалъ“ голову. Тотъ почелъ себя обиженнымъ и принесъ окружному начальнику жалобу; а послѣдній, не провѣривъ случая, настроилъ губернатору доносъ, прося высылки „войска“ для усмиренія бунтовщиковъ. Фадѣевъ повѣрилъ доносу и, несмотря на полную невиновность Татаръ, примѣнилъ и къ нимъ „мѣры полицейскаго воздѣйствія“, приказавъ отдать подъ судъ не только старосту и обѣихъ ходаковъ, но и возившаго

1) По рѣшенію Саратов. Палаты Уголов. Суда, 29 Ноября 1841 г. одинъ изъ обвиняемыхъ былъ присужденъ на годъ въ крѣпостн. работы, трое къ наказанію 30 ударовъ розогъ при волости; прочимъ вмѣнено исправительное губернаторское наказаніе.

2) „Экзакуція“ представляла собой особый видъ натуральной повинности, по которой виновная деревня должна была поставлять бесплатно разставленной въ ней командѣ кормовое довольствіе какъ для людей, такъ и для лошадей, помимо отвода квартиръ.

3) Изъ дѣла Саратов. палаты Угол. Суда 1841 г., № 1355.

ихъ подводчика, „яко главныхъ подстрекателей къ учиненію волненія“. Къ несчастію, мулла далъ неблагопріятный отзывъ о нихъ, и уѣздный судъ приговорилъ сослать въ крѣпостныя работы: старосту, „во уваженіе его преклонныхъ лѣтъ“, безъ наказанія, на полгода; остальныхъ, по наказаніи плетьюми, на годъ cadaго. Однако Сенать отмѣнилъ это рѣшеніе, предписавъ выдержать ихъ только три мѣсяца въ тюрьмѣ.

III.

Особенную настойчивость для обвиненія крестьянъ проявилъ Фадѣевъ въ двухъ судебныхъ процессахъ, возникшихъ изъ-за безпорядковъ въ Сластужинской волости, Сердобскаго уѣзда и въ волости Козловской, Петровскаго уѣзда.

Первый случай открылся вслѣдствіе того, что окружный начальникъ Юматовъ предъявилъ къ крестьянамъ требованіе о посѣвѣ картофеля не на общественной землѣ, а на душевыхъ надѣлахъ, увеличивъ съ нихъ сборъ на „мірскія надобности“ до $18\frac{3}{7}$ коп. сереб. съ души. Предписаніе его было получено въ Сластужинской волостной конторѣ 29 Мая 1841 г., но писарь Козловъ помѣтилъ приказъ о сборѣ этихъ денегъ 28 числомъ. Крестьяне заподозрили тутъ неладное. Обвиняя волостныхъ заправилъ въ вымогательствахъ и притѣсненіи, на сходѣ 10 Іюня они до полусмерти избии писаря и нанесли побой старшинѣ, старостѣ и сборщику податей. Выбрали новаго старосту Тайкова, забрали изъ шкафа сельской расправы всѣ общественныя бумаги и, заперевъ послѣдній своимъ замкомъ, велѣли отставному ун.-офицеру Фодотову переписать всѣхъ, „дабы никто не могъ отказаться отъ участія въ семъ поступкѣ“.

По донесенію о томъ головы Давыдова, въ село пріѣхалъ земскій исправникъ. Крестьяне подали ему записку о лихоимствѣ писаря. Но тотъ, не провѣривъ жалобы, сталъ застрачивать ихъ разными карами за ослушаніе начальству. Бакурцы стояли на своемъ „дѣлая неповиновенія и грубости“. По словамъ Фадѣева, они будто бы выкрикивали: „насъ хотять отдать Хивинскому хану (?!), а мы желаемъ быть въ управленіи начальства по прежнему“...*)

Къ нимъ присоединились общества села Камаровки и дер. Панкратовки и Кручи, также отказавшіяся платить противозаконный сборъ и разводить картофель. Конечно, надъ всѣми ими было произведено „усмиреніе“ по принятой губернаторомъ системѣ. И хотя они „при дѣланіи имъ внушеній, убѣдились въ своихъ ошибкахъ и принесли

*) Въ донесеніи министру вн. д. 29 Августа 1841 г.

раскаяніе, обѣщая на будущее время всѣ распоряженія начальства исполнять безъ малѣйшаго сопротивленія“, однако Фадѣевъ предалъ суду всѣхъ 439 жителей четырехъ селеній: однихъ, въ числѣ 11 человекъ, какъ главныхъ зачинщиковъ, а прочихъ, „какъ участниковъ бунта“. Но даже уѣздный судъ, вполне подчинившійся губернатору, не нашелъ въ ихъ дѣяніяхъ „увеличивающихъ вину обстоятельствъ“ и присудилъ только одного Тайкова къ наказанію плетми съ отдачею въ солдаты. Съ такимъ постановленіемъ Фадѣевъ не согласился, поручивъ приставу 3-й г. Саратова части Гришину дополнить слѣдствіе. Но и сей послѣдній не излекъ ничего выдающагося. Пришлось представить дѣло въ Сенатъ незаконченнымъ. Вслѣдствіе этого вся переписка была передана на заключеніе министра юстиціи, который призналъ виновниками возмущенія не крестьянъ, а ихъ ближайшихъ начальниковъ. 21 Іюня 1842 г. Сенатъ написалъ управляющему Саратовской Палаты Государственныхъ Имуществъ, прося его дать объясненія, „на какомъ правѣ былъ установленъ окр. нач. Юматовымъ сборъ и были ли составлены крестьянами раскладки его, „безъ чего никакія взысканія съ нихъ не допускались“; когда и гдѣ объявлено имъ высочайшее повелѣніе о разведеніи картофеля, о какихъ „табеляхъ“ толковалъ Бакурцамъ кантонистъ Ивановъ и „въ чемъ заключалось причиненное имъ въ умахъ крестьянъ расстройство“, такъ какъ составленный ун.-оф. Федотовымъ списокъ „не указывалъ на какое либо опредѣленное постановленіе схода“.

По этому случаю Уголовной Палатой были подвергнуты допросу Юматовъ съ письмоводителемъ Ивашенковымъ и голова Давыдовъ съ писаремъ Козловымъ. Но они не дали никакихъ опредѣленныхъ указаній. Вступившійся за нихъ Халкіоповъ оправдывался тѣмъ, что сборъ на мірскія надобности существовалъ и ранѣе, и крестьяне „добровольно“ вносили его въ казначейство. „Къ посѣву же картофеля на душевыхъ надѣлахъ ихъ никто не понуждалъ“.

Переписка тянулась еще два года, переходя отъ министра государст. имуществъ къ министру юстиціи, а отсюда въ Сенатъ. Послѣдній указомъ 22 Іюля 1844 г. предписалъ „обвиненіе крестьянъ въ неповиновеніи властямъ считать недоказаннымъ“, признавъ виновными голову Давыдова и писаря Козлова, а потому ихъ велѣно смѣнить „и впредь ни на какія должности не назначать“ *).

*) Изъ крестьянъ приговорены: Тайковъ, за присвоенное ему званіе къ 30 уд. плетей съ отдачей въ солдаты, четверо—къ 25 удар. съ оставленіемъ на мѣстѣ жительства, а остальнымъ 8 виновнымъ съ старостой дер. Павкратовки назначено по 40 розогъ; сотскихъ и десятскихъ „за слабое смотрѣніе“, велѣно выдержать три мѣсяца въ тюрьмѣ.

товъ, по этому указу, хотя былъ оставленъ безъ преслѣдованія, „за силою манифеста 10 Апрѣля 1841 года“, но еще за долго до рѣшенія дѣла, т. с. Гамалѣй приказалъ уволить его вмѣстѣ съ письмоводителемъ изъ вѣдомства государственныхъ имуществъ.

Этими распоряженіями былъ нанесенъ первый ударъ домогательствамъ Саратовскаго губернатора, почему-то всеми мѣрами старавшагося обѣлить крестьянскихъ начальниковъ. Во второмъ процессѣ, хотя тоже точно устанавливались слѣдствіемъ „сребростяжанія“ Козловскаго головы Епифанова и писаря Крупнова, но и тутъ Фадѣевъ пытался выгородить ихъ, сваливая вину на подвѣдомственныхъ имъ поселянъ. Дѣло было такъ.

Получивъ предписаніе объ отводѣ земли подъ посѣвъ картофеля и зная нерасположеніе къ этому мѣропріятію крестьянъ, Крупновъ смекнулъ, что тутъ можно поживиться. Вмѣсто того, чтобы отвести землю поблизости волостного правленія, онъ научилъ присланнаго отъ окружнаго начальника „спеціалиста по разведенію картофеля“, Нѣмца-колонииста „облюбовать“ ее около самыхъ крестьянскихъ гуменъ с. Камаевки. „Великимъ постомъ“ 1841 г. старшина объявилъ объ этомъ выборѣ сотнику, приказавъ поставить караулъ къ отведенному участку. Камаевцы взвыли.

— Теперь ни намъ, ни скоту выхода нѣтъ!

— Надо подарить писаря, рѣшили старики. Собрали 3 р. 75 к. и поднесли ему съ старшиной.

— Ну, ладно! може дѣло замнется, промолвилъ Епифановъ.

— Только вамъ надо подать бумагу, добавилъ писарь.

Покорные велѣніямъ своихъ наибольшихъ, Камаевцы отправили въ Козловку старосту Иванова, сотскаго и писаря, которыхъ Крупновъ заставилъ написать „отзывъ“ о нежеланіи сѣять картофель, хотя общество и не думало отказываться отъ этой повинности.

Настала пора сѣва. Стали искать облюбованную десятину. Оказалось, крестьяне распахали ее и засѣяли хлѣбомъ. Конечно о пропажѣ пришлось донести. Изъ Саратова было предписано земскому суду арестовать старосту Иванова и сотника Егорова. Но когда полицейскій разсыльный прибылъ въ село, собравшіеся на сходѣ Камаевцы отказали выдать ихъ.—Берите всѣхъ насъ, отвѣтили они.

Такой поступокъ былъ признанъ за ослушаніе, за бунтъ. 10 Мая пріѣхали власти. Старосту и сотскаго посадили въ острогъ. По требованію Фадѣева, были привлечены къ уголовной отвѣтственности всѣ Камаевцы и участвовавшіе въ этомъ дѣлѣ Старочардымскіе жители, въ числѣ 60 человекъ. Уѣздный судъ, однако, поступилъ съ ними и на этотъ разъ (15 Юля) справедливо, приговоривъ къ болѣе строгому

наказанію „управителей крестьянских“*), чѣмъ опять вызвалъ протестъ со стороны губернатора.

Когда дѣло перешло въ Уголовную Палату, Фадѣевъ напомнилъ ей (отношеніемъ отъ 20 Іюля того же 1841 г.), что „по всеподданнѣйшему докладу министра государственныхъ имуществъ касательно принятыхъ къ прекращенію возникшихъ между поселянами Кузнецкаго и Сердобскаго округовъ безпорядковъ, Государь Императоръ въ 30 день Іюня повелѣтъ соизволилъ: „силу и дѣйствіе послѣдовавшей 9 Іюня высочайшей воли касательно наказанія виновныхъ въ слушаніи по Петровскому округу распространить и на другія мѣста“.

Палата не вняла этому предупрежденію и значительно смягчила приговоръ уѣзднаго суда. Это очень сильно озадачило Фадѣева. Опять началась длинная процедура возраженій, отписокъ и разъясненій, благодаря чему дѣло протянулось 3½ года, а виновные томились въ неизвѣстности о своей участи. Сенатъ не удовлетворилъ настоянія губернатора. Указомъ 31 Января 1845 г. старшину и старосту велѣно было наказать 50-ю розгами, писаря и сотника—по 40 удар., пятерыхъ крестьянъ къ 30 розгамъ, двоихъ выдержать въ тюрьмѣ отъ 2 недѣль до 2 мѣсяцевъ; остальные были оправданы.

*

Такъ кончилась эта затѣя правительства, не принеся существенной пользы крестьянству. За то она послужила къ обогащенію тѣхъ, кто вѣдалъ этимъ дѣломъ. Какъ рассказываютъ старожилы, управляющій Саратовской палатой Халкіоповъ, не имѣвшій ранѣе никакого имущества ни за собой, ни за женой, оставилъ своимъ наслѣдникамъ богатое имѣніе близъ Саратова.

Разведеніе картофеля, какъ хлѣбнаго суррогата, стало распространяться среди Русскихъ поселянъ Саратовской губерніи только по освобожденіи ихъ отъ крѣпостной зависимости, когда, сдѣлавшись свободными землепашцами, они, по необходимости, за малоземельемъ земли, принуждены были заботиться о развитіи своего немудраго хозяйства.

П. Юдинъ.



*) Старшина Епифановъ, писарь Крупновъ, староста Ивановъ и сотскій Егоровъ были присуждены къ отдачѣ въ солдаты, послѣ наказанія плетьюми; 26 Чардымскихъ и 21 Камаевскихъ крестьянъ наказаны плетьюми безъ ссылки; 13-ть, какъ не бывшіе на сходѣ во время требованія земскимъ судомъ старосты и сотскаго, оправданы.